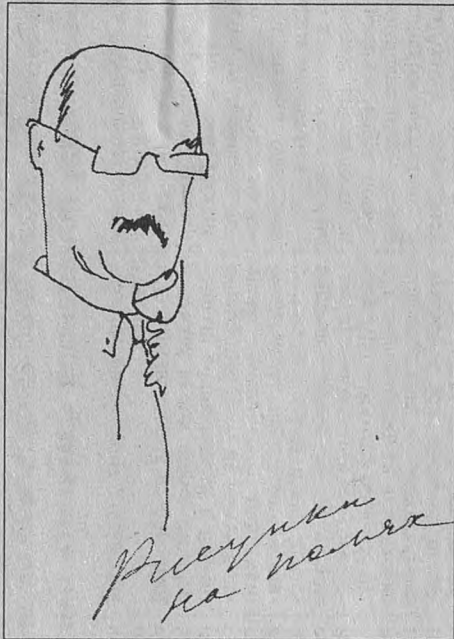

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК НАШЕГО КИНО

Станислав Говорухин. «Автопортрет».

(Окончание. Начало на стр. 9)

— С кем из политиков или деятелей культуры — Не думаете ли вы, что то, к чему пришла Россия сегодня, — это закономерность, иначе и быть не могло?

— Конечно. Наше настоящее — есть продукт движения истории. В связи с этим можно вспомнить и Петра, и декабристов, и эпоху Николая Второго, и 70 лет правления Советской власти... Корни государства так же, как и любого из нас, находятся в прошлом. Джордж Оруэлл говорил: «Только человеку, владеющему прошлым, принадлежит будущее». Безусловно, история нашей страны небедна поучительными примерами, но зато в ней столько ошибок, что пора бы уже их не повторять и делать выводы.

— Не кажется ли вам, что в 1917 году самодержавие подошло к своему логическому концу? И его итог был немногим лучше того, к которому пришла страна за известные 70 лет?..

— Смотря на каком основании сравнивать. Например, когда я писал свою книгу «Великая криминальная революция», то нашел события советского периода намного кровавее и страшнее тех, которые происходили в царской России. Конечно, и там, и там хватало своих палачей и мерзавцев. Но все-таки николаевская эпоха на фоне коммунистического режима выглядит волшебной сказкой. Ведь наше государство в начале века находилось на взлете. И если бы мы не ввязались в войну 1914 года, то могли бы по уровню жизни догнать и обогнать многие прогрессивные страны Европы. Достаточно даже сегодня пройтись по улицам и увидеть, что такое Россия конца XIX и начала XX века. Появлялось множество архитектурных построек и промышленных комплексов. Менялся

облик городов. Цивилизация проникала всюду. Однако все это было надломлено. Сначала убили Столыпина, потом вступили в Первую мировую войну, затем пришли большевики. В 1941 году — Великая Отечественная война... И так далее, все шло по нарастающей.

— Недавно Православная Церковь канонизировала членов царской семьи. Вы приветствуете это?

— Трудно сказать. Но, по крайней мере, душа моя не восстала. Император Николай Александрович Романов и его семейство погибли мученической смертью. Они радели за наше государство... Но ведь задолго до членов семьи Николая Второго канонизировали супругу Великого князя Сергея Александровича — Елизавету Федоровну. Вот это — во истину святая женщина. Она до последних своих дней была предана России и верна Православной Церкви. После гибели мужа Елизавета Федоровна обратилась к религии. Создала в Москве Марфин у обитель, терпела многие лишения. В 1918 году в Алапаевске приняла мученическую смерть от большевиков. Перед кончиной она благословила сброшенных с нею в копи Великих Князей. В наши дни ее тело было найдено в шахте без признаков разложения и сейчас покоится на Святой земле.

— Станислав Сергеевич, каким вы находите состояние современного кинематографа?

— Пока оно плачевное. Денег нет. Снимают в основном третьесортные картины. Вот сейчас пошла новая волна бесконечных многосерийных и однодневок. Что-то вроде всевозможных золушек и менов. Хотя, конечно же, некоторые здоровые тенденции постепенно появляются. Ведь в итоге все зависит от самих художников, тех, кто делает кино.

— Как вы думаете, почему в российских кинотеатрах до сих пор с большим успехом проходят премьеры американских фильмов?

— Прежде всего потому что они не такие похабные, как наши. Например, на настоящее американское кино отец может пойти с дочерью без опаски, не боясь увидеть там мерзость и грязь. Ведь в фильмах, которые американцы снимают для своего общества, а не для стран третьего мира, добро всегда побеждает зло, проводится идея семьи и патриотизма. В наших же кинолентах этого сегодня нет.

— Какие у вас творческие планы на ближайшее будущее?

— У меня их много. В первую очередь я должен поставить спектакль во МХАТе имени Горького по пьесе Юрия Полякова «Контрольный выстрел», затем начинаю готовиться к съемкам картины по повести И. Грековой. В журнале «Новый мир» она когда-то опубликовала несколько произведений. Я все прочитал с восторгом и решил од-

но из них экранизировать. Потом масса планов связана с объединением и киностудией на Мосфильме. Наконец, в ближайшее время собираюсь провести новую выставку своих живописных работ.

— Вы не хотите продолжить цикл публицистических фильмов: «Так жить нельзя», «Россия, которую мы потеряли», «Великая криминальная революция»?

— Нет. Бессмысленно снимать киноленты, которые никто не увидит. Последней моей картиной была «Великая криминальная революция». Она пролежала на полке полтора года, прежде чем ее показали в черновом варианте по шестому каналу. Это ведь чистая публицистика! Продукт скоропортящийся. Ее немедленно надо показывать. Снимая фильм, мы горели желанием поскорее помочь обществу понять нашу действительность, но картину задержали. Может быть, по тем временам она была слишком смелой?.. Ведь только сейчас стали свободно говорить о том, что ежегодно за рубеж вывозится до 20 миллиардов долларов и что страна может остаться без армии. Я же все это предсказал еще несколько лет назад в своем фильме и в своей книге.

— По многим вашим высказываниям в прессе и на телевидении у меня сложилось впечатление, что вы недолюбливаете картину «Место встречи изменить нельзя»...

— Это не совсем так. Фильм снимался быстро и дешево как малобюджетный. Выделили на него всего 800 тысяч рублей. Столько в то время затрачивалось на создание средней полнометражной киноленты. Нам на эти же деньги надо было снять пятисерийную картину... Поэтому в фильме «Место встречи изменить нельзя» есть масса недоработок, и в художественном отношении он уступает другим моим фильмам. Так, картины «Десять негрятят», «Приключения Тома Сойера» или «Дети капитана Гранта» — намного совершеннее с искусствоведческой точки зрения.

— Что бы делал Жеглов в наше время?

— Я затронул эту тему в моем последнем фильме — «Ворошиловский стрелок». Капитан милиции действует в нем типичными методами Жеглова. Он и судья, и прокурор, и исполнитель приговора в одном лице.

— Как приняли критики картину «Ворошиловский стрелок»?

— Сначала все единодушно о ней отзывались отрицательно. Потом притихли. Сейчас же, после того как фильм с триумфом прошел по России, Украине, Белоруссии, я не слышу со стороны почтенных критиков ничего плохого.

— Вы помните реакцию зрителей на премьеру «Ворошиловского стрелка» в Анапе?

— Да. Я вошел в зал, где была немалая духота. Жара градусов 50. Но тем не менее никто не ушел. Хотя это была не лучшая ау-

дитория, там сидели пацаны и не совсем понимали, о чем картина. Вообще, с этим фильмом я объездил многие города. Был и в Киеве, и в Минске, и в Витебске, и в Кишиневе... Почти всегда, когда я выходил на сцену после просмотра, зал вставал. Честно говоря, я уже давно не видел, чтобы публика так тепло меня принимала.

— Вам не кажется, что картина призывает к самосуду?

— Меня это абсолютно не волнует. Моя картина — предупреждение властям. Если гражданин в своем государстве не будет защищен законом, то ему ничего не остается, как защищаться самому.

— Вы считаете человек вправе решать судьбу другого?

— Вправе. Должно быть справедливое возмездие. Если закон не вмешивается, если все решают деньги, то почему бы не устроить самосуд. Я бы это сделал. Когда человек теряет близкого, он и не на такое способен. Все надо пережить самому, чтобы понять.

— Станислав Сергеевич, вы помните старый анекдот? В подземном туннеле оказались

пессимист, оптимист и реалист. Пессимист говорит: «Я ничего не вижу». Оптимист: «Что-то мало света». Реалист: «А я вижу огни приближающегося поезда». Вы в данном случае к какой категории себя отнесли бы?

— Я по натуре — пессимист. Вы знаете, как говорят в народе: «Пессимист — это хорошо информированный человек».

— Я помню, Борис Ливанов остроумно замечал, что: «Оптимист — это плохо информированный человек».

— Так это же старинная шутка, которой много столетий. Конечно, Борис Николаевич был весьма остроумным человеком. Но ведь порой достаточно вспомнить любое забавное определение, применить его согласно обстоятельствам и получается юмор. Шутки, как и сюжеты, как и анекдоты, новых не бывает. Все они, как правило, когда-то уже звучали или были рассказаны в сходной ситуации. Нас в свое время учили, что сюжетов только 33.

— Многие ваши коллеги отмечают, что с приходом в политику вы стали мрачным человеком...

— Нет, нет! Даже наоборот. Будучи в Госдуме, я стал намного веселее... Всегда, когда я с кем-нибудь работаю на съемочной площадке или в театре, то постоянно рождаются импровизации, слышен смех.

Просто я не люблю лишний раз улыбаться подобно Биллу Клинтону. Кстати, трудно назвать юмориста, который бы в жизни часто смеялся. Важно уметь рассмешить.

— Шесть лет назад вы серьезно начали заниматься живописью. Что это для вас простое увлечение или нечто большее?

— Конечно же, только хобби. Долгое время я безнадежно завидовал белой завистью каждому художнику, спокойно стоящему за мольбертом. Неоднократно хотелось самому попробовать взять кисти и краски, как будто чувствовал, что у меня к этому есть способности.

Но как-то все было не до того. Многочисленные мои «художества» сначала ограничивались полями студенческих конспектов и зарисовкой кадров из кинофильмов. Ведь режиссер, даже не умеющий рисовать, не может без этого обходиться. Ху-

дожником, безусловно, я не стал. Но живопись — моя страсть. Даже на заседаниях в Госдуме мне теперь трудно себя представить без карандаша и листка бумаги. Александр Шилов мне много раз говорил: «Ты всегда должен рисовать. Даже же если не можешь, то рисуй глазами». Я так и делаю. Очень интересно мысленно переносить на холст изображение.

— Кстати, ваши работы высоко ценит Александр Шилов. Он считает, что они достойны кисти профессионала.

— Так сам Шилов меня в это и втянул. Весной в 1994 году он собрался с Сергеем Бондарчуком и Александром Рудским на этюды. Я случайно оказался в то время в его мастерской и попросился с ними. Шилов дал мне свой этюдник, и мы все вместе отправились на берег Москвы-реки к Николиной горе. Еще недавний узник Лефортово (Александр Рудкой) быстро выбрал вид, установил свой этюдник и приступил к работе. Бондарчук, у которого живопись была сильнейшим увлечением, также моментально набросился на пейзаж. О Шилове и говорить нечего — настоящий мастер. Я же после долгих мучений решил изобразить Рудкого за мольбертом. Так было привычнее. На первом плане — фигура, а на втором — пейзаж. Что-то напоминало обычный рисунок. Когда Шилов взглянул на мое «творение», то не поверил, что я никогда раньше не держал в руках кисти. На следующий же день мы вместе с ним отправились в магазин и купили все необходимое для «малевания». Вот так я стал художником.

— В 1995 году в галерее «Багира» прошла ваша первая персональная выставка под названием «Парламентские каникулы». Совсем недавно работы демонстрировались в Московской академии художеств. А в ближайшее время вы не планируете вновь показать свои картины?

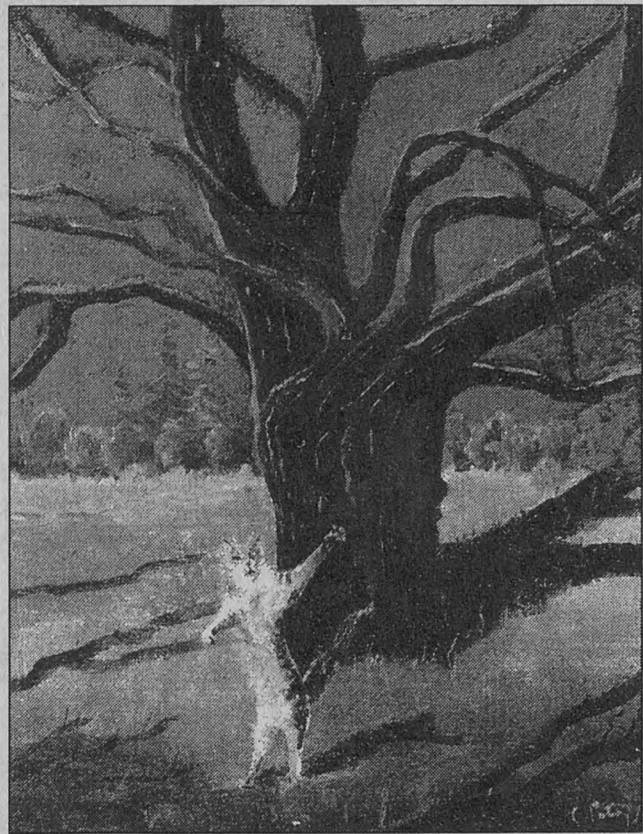
— Нет. Сейчас я стараюсь поменьше проводить выставок. У меня много предложений, а ездить некогда. Тем более не так давно был показ в Петербурге, в Аничкином дворце. 13 октября я еду в Волгоград. Так пройдет моя большая выставка. От нее я не отказался только из-за того, что в это время будут проходить выборы губернатора и наша фракция поддерживает мэра города.

— Вас больше интересует портретный жанр или пейзаж?

— Пейзаж. Причем первый этап мною уже пройден. Я уже ушел от элементарного копирования природы и стал на много избирательнее. Природа и каждый человек таит в себе настолько глубокие тайны, что познаю я их только через холст и краски.

«Человек — тайна. Даже для самого себя. Кто он? Каковы пределы его физических и умственных возможностей? На что он способен? Какими талантами наградила его Господь. Разгадывать эту тайну, познавать самого себя — веселое и полезное занятие. Теперь я знаю о себе больше, чем раньше. Мое увлечение пейзажной живописью приоткрыло мне глаза не только на окружающий мир, но и на самого себя. В первую очередь на самого себя».

(Из книги «Увлечение», 1999)

Станислав Говорухин. «У Лукоморья». 1997 г.

